

РЕДУПЛИЦИРОВАННЫЙ ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ КАК РЕЗУЛЬТАТ АВТОРСКИХ И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ НОВАЦИЙ

© 2025 С. П. Анохина

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия

В статье описываются переводческие преобразования вторичного текста на уровне выражения – смена кода и семиотико-смысловое пространство данного текста на уровне содержания: авторские преобразования на основе таких приемов как субституция, транспозиция и трансформация элементов высказываний текста-источника (синтаксис), а также отношений синонимии, метонимии, синекдохи, метафоры между соответствующими компонентами высказываний первичного и вторичного текстов (лексика).

Ключевые слова: вторичный текст, межтекстовые трансформации, комплексные трансформации, одноуровневые трансформации, межуровневые трансформации.

Настоящая работа представляет собой продолжение ранее опубликованной статьи [1], в которой были представлены понятие и определение вторичных редупцированных текстов в плане их выражения и содержания, а также исследование семиотического пространства данных текстов. Предметом настоящей статьи является описание переводческих преобразований того же текста (план выражения) и его семиотико-смыслового пространства (план содержания), в результате которых и формируются высказывания-знаки семиотического пространства данного вторичного текста.

Источниками эмпирического материала послужили:

1) Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами и приложениями. М.: Российское библейское общество, 2000;

2) Эко У. Имя Розы. М.: АСТ: CORPUS, 2019. 672 с.;

3) Eco U. Il Nome della Rosa. URL: <http://royalbibl.ru/>.

Процедура исследования включала в себя два этапа:

- преобразования исходного текста-вставки, используемого в романе У. Эко «Имя розы» (Il Nome della Rosa), в его переводе на русский язык, на уровне выражения;

- переводческие преобразования, ведущие к изменению текста на уровне содержания, то есть семиотико-смыслового пространства.

Остановимся на результатах переводческих преобразований в плане выражения.

При изменении кода первичного текста с необходимостью возникают преобразования, обусловленные закономерностями кода вторичного текста, в нашем случае – перевода с одного языка на другой [2–6]. Мы ограничимся несколькими примерами переводческих преобразований, обусловленных типологическими чертами контактирующих языков и их системными особенностями на том или ином структурном уровне каждого из них, а также спецификой лексического и фразеологического фондов. Подобные преобразования предлагаем считать объективными, так как возможность альтернативного перевода сведена практически к нулю.

В качестве субъективных преобразований рассматриваем комплексные трансформации: изменение синтаксических функций, семантических ролей актантов, членение или объединение предложений, обусловленные частными грамматическими и лексическими характеристиками текста перевода.

Примерами преобразований вследствие типологических различий итальянского и русского языков является замена глагола *avere* в оригинальном тексте на глагол

«быть» в переводе, поскольку одна из типологических таксономий языков относит западноевропейские (германские и романские) языки к *habeo*-языкам, а славянские – к *esse*-языкам.

Рассмотрим примеры.

Ma non ebbi tempo di chiedermi dove fossi... Но не было времени задумываться, где я.

Перевод устойчивых именных сочетаний с глаголом *avere* сочетаниями с другими глаголами со значением процесса или чувственного восприятия, т.е. такими, в семном составе которых больше агентивности, чем в глаголе *avere*.

Dove Adso, ascoltando “Il Dies irae”, ha un sogno o visione che dir si voglia... ... где Адсон, слушая “Dies irae”, vidit сон, или, скорее, видение.

В данном случае имеет место и субъективная замена сочетания *che dir si voglia* наречием «скорее», но такие и подобные замены описываются ниже.

Ed ebbe inizio una danza, ... Тут пошли пляски....

Принадлежность русского языка к *esse*-языкам проявляется и в таких случаях, когда глаголом «быть» заменяется полнозначный глагол оригинала:

Inoltre da ambo le orecchie scendeva una fila di perle azure... [Кроме того, в обоих ушах у девицы были нити голубых жемчужов].

Salvo che portava sul capo una corona di perle bianche... [Только вот на голове у нее была диадема из перлов белых ...].

К объективным преобразованиям, обусловленным системными особенностями грамматического строя итальянского и русского языков, относятся следующие явления.

1. Замена инфинитивных оборотов с отрицанием в функциях сопутствующего обстоятельства или определения на обороты с ядром – другой частью речи, но в тех же синтаксических функциях:

Li seguivo senza quasi rendermi conto di quanto dissero le mie labbra... [Я вторил поющим, почти не сознавая, какие слова выговариваю].

Заметим, что перевод деепричастием или деепричастным оборотом соответствует переводу подобных инфинитивных обо-

ротов и германских языков: нем.: *ohne ... zu*; англ.: *without + Inf./gerund*, что также является аргументом в подтверждение трактовки таких преобразований как объективных.

2. На синтаксическом уровне закономерной является замена предлога в предложном сочетании на деепричастие в следующем примере:

... tutti ... uscirono coi porci a cercar tartufi nella foresta... [... все ... отправились, взявши свиней, в лес за трюфелями].

В противном же случае нарушаются субъектно-объектные отношения: в русском языке «все со свиньями» представляет собой сочиненный субъект.

3. На морфологическом уровне показательным является пример, эксплицирующий «внешнюю модальность», имманентно присущую глаголу *potere*, наряду с внутренней [7], или, в терминах логики, алетическую и деонтическую модальность. На наш взгляд, представляется оправданным приложить к русскому «нельзя» характеристики, свойственные немецкому глаголу *dürfen* (разрешать, позволять), поскольку в его семантику вводится «чужая инстанция» [8, p. 36].

В отношении преобразований вследствие различий в лексическом и фразеологическом фондах ограничимся следующими.

1. Фразеологическому выражению в итальянском языке соответствует русское выражение нефразеологического характера, что на синтаксическом уровне приводит к изменению субъектно-объектных отношений:

... che mi faceva paura... [... и я боялся ...].

2. Противоположная картина – нефразеологический оборот в итальянском предложении передается на русский посредством фразеологического – наблюдается в следующем примере:

a pregare per l'anima di Malachia... [помолиться за упокой души Малахии].

3. Выражение является фразеологической единицей в обоих языках, но автор оригинала гиперболизирует смысловое ядро фразеологизма, удваивая его:

Il efferio si affolava sempre piu, e tutti mangavano a quattro palmetto (собственно фразеологизм: mangare a due palmetti). [В

трапезной становилось все более многолюдно, и все угощались за обе щеки].

Перейдем к анализу комплексных трансформаций. Наиболее типичными для нашего эмпирического материала являются следующие из них.

1. Замена связочного глагола *essere* на полусвязочный:

Quanto diverse erano state le morti di quegli ultimo giorni! [До чего же иначе выглядели смерти последних дней!]. La cripta era di nuovo la cucina... [вся крипта снова стала выглядеть как кухня].

2. Замена полнозначного глагола *essere* в событийном предложении на другой полнозначный глагол со значением процесса, т.е. изменение типа предложения с именного на глагольный:

Era una fuligida fila di femmine ricamente vestite,... [Блестательной толпой выплывали необыкновенно одетые красавицы...]. Era tutto un baluginare rosso di stufe e caldaie... [Воздух пламенел от зарева печей и расплавленного железа...].

3. Замена полнозначного глагола *essere* в значении «быть, находиться» на другой полнозначный глагол:

... come se tutti gli ospiti del simposio ora fossero nella cripta... [... как бы все гости с того праздника ныне упокоились в крипте...].

Русский перевод примечателен тем, что в нем эксплицируется когнитивное согласование между понятиями данного места и субъекта: крипта – место захоронения в храме, и все гости праздника – библейские персонажи и монахи данного аббатства не могли находиться там в качестве посетителей.

4. Наиболее частотным случаем субъективных преобразований является перевод придаточных определительных предложений разнообразными структурами русского языка, хотя в большинстве своем это причастные обороты в простом предложении с изменением субъектно-объектных отношений:

frati di povera vita che portavano alla cintola borse piane d'oro... [... братья бедной жизни, и у каждого на поясе колыхался кошель, набитый золотыми ...].

Иногда – причастным оборотом:

... Non ritrovavo ora piu i personaggi del cenata, e i doni che avevano resato... [Я уже

не видел около себя ни участников пира, ни преподнесенных ими даров...].

5. Изменение структуры отрицаний, повлекшие и изменение синтаксического типа предложения: сложносочиненное в оригинале – осложненное в переводе:

... diceva, lui aveva organizzato una cosi bella festa e nessuno gli donava nulla.... [...потому что, заявил, он не для того устраивает такой замечательный праздник, чтобы оставаться без подарков].

6. Лексические вставки, что оправдано либо последующим (в первом примере), либо предыдущим (во втором примере) микрореконтекстом:

Accanto a lui, Jorge beveva da un gran boccale di vino, e il cellario leggeva... [С ним рядом Хорхе, держа огромный кубок, тянул вино, а келарь набожно читал ...].

E a ogni frase del cellario Jorge rideva picchiando il pugno sul tavolo e gridava ... [И на каждом стихе, прочитанном келарем, Хорхе с громким хохотом ударяя кулаком по столу и орал...].

В заключение раздела о переводческих инновациях при переводе текста с итальянского языка на русский констатируем, что при изменении кода и переходе речевого фрагмента в категорию вторичного текста данный текст сохраняет функции текста-основы, первичного текста, а именно, «возбуждение чувств и постижение действительности без перехода к действиям» [9], но в то же время является вторичным, поскольку его ткань «соткана» из материала нескольких текстов-источников – Священного Писания и Священного Предания – и представляет собой макрознак, отсылающий к идейно-эмоциональной оценке У. Эко своего произведения. В свою очередь, данный макрознак состоит из нескольких типов знаков-высказываний, конституирующих его семиотическое пространство [1], а эти последние формируются в результате преобразований высказываний текстов-источников на основе различных языковых процессов и действий автора, что и является предметом описания следующего раздела нашей работы.

Перейдем к анализу переводческих преобразований, ведущих к трансформациям семиотико-смыслового пространства текста.

Анализ выполнен на материале перевода Библии. При описании взаимосвязей между вторичными, переведенными на русский язык текстами, и их текстами-источниками исследователи описывают их на уровне лексики [10] или в более широком плане [11], а также представляют особенности тех или иных моделей вторичных текстов. Для нашего эмпирического материала продуктивными из этих особенностей являются субституция и транспозиция [12] наряду с другими выявленными в настоящей работе.

Это следующие типы преобразований и их виды. Межтекстовые, которые основываются на процессе субституции – те или иные семантические компоненты семантической структуры прецедентного высказывания первичного текста замещаются лексикой текста романа. Одноуровневые – синтаксические или лексические; первые основываются на процессах транспозиции и трансформации семантических компонентов высказывания первичного текста; вторые – на процессах синонимии, метонимии, метафоры и синекдохи между элементами высказываний первичного и вторичного текстов. Как следует из вышеприведенных положений, межтекстовые и одноуровневые преобразования основываются на принципиально различных процессах: замещение в первых представляет собой простой перенос элементов текста романа во вторичный текст, в то время как одноуровневые преобразования представляют собой процессы, имманентные каждому структурному уровню языка. Оба типа преобразований, в свою очередь, подразделяются на единичные: на основе одного процесса преобразованию подвергается один семантический компонент; в случае межтекстовых преобразований замещается также один компонент. При комплексных преобразованиях на основе более одного процесса или более одного случая замещения преобразованию подвергается более одного семантического компонента.

Межуровневые преобразования основываются на объединении тех или иных процессов обоих уровней языка и являются, соответственно, комплексными. Третий тип преобразований – комбинированные

преобразования – формируется в результате объединения преобразований структурных уровней языка и межтекстовых. В данном типе различаются следующие виды:

- межтекстовые + синтаксические;
- межтекстовые + лексические;
- межтекстовые + лексические + синтаксические.

Самым распространенным типом преобразований являются комбинированные: межтекстовые + синтаксические, причем это могут быть довольно усложненные преобразования, объединяющие различные субституции, трансформации и транспозиции. Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев такие преобразования являются «индивидуальными» (представлены только одним примером и, соответственно, одним типом знака). В формулах преобразований приняты следующие обозначения семантических компонентов: S – субъект, Pr. – предикат, O – объект, Attr. – атрибут, Adv. – модусный конкретизатор, Lok. – локативный конкретизатор, Temp. – темпоральный конкретизатор.

Приведем примеры трансформаций.

1. S-O субституция + Pr.-O трансформация:

Лот превратил ее (девицу – С. А.) в соляной столп.

Ср.: Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом (Быт., 19, 26).

2. S трансформация + O субституция + Pr.-Adv. транспозиция:

Петр раснял ее книзу головой.

3. S субституция + Pr.-Adv.-Attr. транспозиция:

...а Саломия заплясала под семью покрывалами, и каждый раз, сбрасывая очередное покрывало, она дула в одну из семи труб, показывала одну из семи печатей, пока не осталась одетой только в солнце.

Особенностью данного высказывания является и множественность первичных текстов. Ср.: Во время же празднования дня Ирода, дочь Иродиады плясала перед собранием (Мф., 14, 6). И семь священников, несших семь труб юбилейных пред ковчегом Господним, шли и трубили трубами (Нав., 6, 12). И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, запечатан-

ную ... семью печатями (Откр., 5, 1). И явилось на небе великое знамение – жена, облеченная в солнце (Откр., 12, 1).

4. S трансформация + O субституция + Pr.-O транспозиция:

Степан побил ее камнями. Ср.: ... и побивали камнями Стефана, который молился и говорил ... (Деян., 7, 59).

5. S-O трансформация + Pr. Субституция + Pr. трансформация:

... а Давид, поедая испанских мушек, кидался на девицу черную, но прекрасную....

Здесь возможны два источника:

1) Дщери Иерусалимские! Черна я, но красива (Песн., 1, 40);

2) Девица была очень красива ... и ходила она за царем, и прислуживала ему, но царь не познал ее... (Цар., 1, 4).

6. Pr.-Attr. Субституция + O трансформация:

А на голове у него (Господа и одновременно Адама – С. А.) корона, такая же, как у девицы, и в руке чаша, большая, чем у нее, и наполненная свиною кровью.

Ср.: И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, Ибо сие есть кровь Моя нового завета... (Мф., 26, 27–28).

В количественном отношении вышеописанным «индивидуальным» преобразованиям уступают такие, которые конституируют более одного знака и применительно к которым можно говорить в этом аспекте о функциональной направленности: унификации или диверсификации функций преобразования, или о тенденции к какой-либо из этих функций в зависимости от количества примеров каждого знака.

Функциональная диверсификация свойственна преобразованию S-Pr. субституция + O транспозиция:

Апостол Павел, отложивши меч, выслушивал ропщущего Исава ... – описательный знак в отношении апостола.

Ср.: И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие (Еф., 6, 17).

Тенденцией к функциональной унификации характеризуются следующие преобразования: Pr. субституция + O транспозиция, так как на ее основе хотя и формируются три знака, но большинство из них являются идентификационными, например:

Ной триумфально въехал на ковчеге, подгребая веслами ....

Ср.: И сделал Ной все, как повелел ему Бог; ... а ковчег плавал по поверхности вод (Быт., 6, 14–18; 7, 18).

Идентификационные знаки представляют в большинстве своем и высказывания на основе такого преобразования как Pr.-O субституция + Attr. транспозиция, т.е. в этом случае наблюдается тенденция к его функциональной унификации. Но это же преобразование конституирует и описательно-идентификационный знак, поэтому мы и говорим о тенденции к его функциональной унификации. Обе функции находятся в динамичном равновесии для преобразования Pr. субституция + S-O трансформация, так как оба знака, которые оно конституирует, представлены в одинаковом количестве.

Как следует из описанного эмпирического материала, данный вид преобразований конституирует почти все типы знаков, кроме аллюзивных и секвентивно-описательных.

Комбинированные преобразования вида: межтекстовые + синтаксические + лексические немного уступают в количественном отношении вышеописанным, но почти в два раза превышают остальные типы преобразований. Этот вид представлен в нашем материале только «индивидуальными» преобразованиями, при этом различные преобразования могут конституировать знаки одного типа, например идентификационные знаки.

Еще один вид комбинированных преобразований – межтекстовые + лексические – следует в количественном отношении за вышеописанными. При этом можно выделить такие преобразования, у которых есть общий элемент – синонимия, и такие, в которых лексический уровень представлен одним из видов семантической деривации.

Такой же знак формирует и преобразование Pr. субституция + Lok. синонимия: *Вениамин плюхнулся на мешок ....*

Ср.: Он обыскал ... и нашла чаша в мешке Вениаминовом (Быт., 44, 12).

Наличие синонимии в данном виде комбинированных преобразований с большой долей вероятности можно отнести к тому фактору, который и обуславливает функ-

циональную унификацию данных преобразований, несмотря на то что каждое в отдельности представлено в нашем материале единичными примерами.

Обе функции – унификации и диверсификация – находятся в состоянии динамического равновесия при преобразовании Rr. субституция + синекдоха:

Даниил – (принес – С. А.) бобы....

Ср.: Тогда сказал Даниил Амелсару: «...в течение десяти дней пусть дают нам в пищу овощи ...» (Дан., 1, 11–12).

Ева – (принесла – С. А.) фиги.

Ср.: ... и сшили смоковые листья и сделали себе опоясания... (Быт., 3, 7).

Ной – (принес – С. А.) виноград.

Ср.: И начал Ной возделывать виноградник ... (Быт., 9, 20).

Другой тип знаков на основе этого же преобразования – косвенно-идентификационные:

Даниил – (приял ризу – С. А.) львиную.

Ср.: ... и привели Даниила и бросили в ров львиный (Дан., 6, 16).

... а Христос прохаживался в ризе голубиноного цвета.

Ср.: ... и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил как Голубь, и ниспускался на Него (Мф., 3, 4).

Косвенно-идентификационный знак конституирует и преобразование Rr.-O субституция + метафора.

Как видим, самым продуктивным преобразованием такого вида являются включающие синекдоху; остальные представляют собой «индивидуальные» преобразования, из которых такие, которые включают синонимию, характеризуются функциональной унификацией.

Относительно межтекстовых и одноуровневых преобразований наблюдается следующая картина: межтекстовые, как единичные, так и комплексные преобразования, не являются частыми. Межтекстовые еди-

ничные преобразования (за исключением одного из них, а именно Rr. субституции) являются индивидуальными, т.е. нейтральными в отношении функциональной направленности. Что касается указанного вида преобразования, то оно характеризуется функциональной диверсификацией, так как на его основе формируются самые разнообразные типы знаков, например секвентивно-идентификационные.

Сформулируем итоги второго этапа исследования.

В семиотико-смысловом пространстве уровня содержания можно выделить следующую оппозицию по критерию: «функциональная характеристика»: лексические, межуровневые преобразования, которым свойственна функциональная унификация, противостоят преобразованиям синтаксического уровня и комбинированным, которым свойственна функциональная диверсификация. Срединное положение занимают комбинированные преобразования типа «межтекстовые + лексические», для которых наблюдается тенденция к функциональной унификации. Особняком стоят транспонированные высказывания – эндогенные вставки – и преобразования, нейтральные в отношении функциональной характеристики. В количественном аспекте преобладают комбинированные, а среди них – усложненные преобразования, что согласуется с количественными данными относительно переводческих комплексных трансформаций на уровне выражения.

В свете вышесказанного редуцированный синкретичный вторичный текст строится по модели, которую можно представить в виде поля, ядро которого образуют процессы субституции, трансформации и транспозиции; в околоядерную зону входят процессы синонимии и транспонирования; периферию формируют процессы семантической деривации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анохина С. П. Вторичные тексты: типология, семиотика // Педагогический форум. 2025. № 1. С. 105–114.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
3. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: НВИ-Тезаурус, 2000. 280 с.
4. Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

5. Bassnett S. Translation Studies (New Aspects). N.Y.: Routledge, 3d Edition, 2002. 188 p.
6. Hermans Th. Translation in Systems // Descriptive and System-oriented Approaches Explained. Shanghai Foreign Languages Education Press, 2004. 127 p.
7. Аверина А. В. Модальный синтаксис немецкого языка. М.: МГОУ, 2019. 319 с.
8. Kotin M. L. Ik gehorta dat seggen. Evidentialitaet. Sprachwandel und das Problem der grammatischen Kategorisierung // Diewald G., Smirnowa E. (Hrsg.) Modalitaet und Evidentialitaet. Modality and Evidentiality. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2011. S. 35–48.
9. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. М.: Добросвет, 2000. 344 с.
10. Пешков Н. П. «Эндо» и «Экзо-лексика» вторичного текста как средство репрезентации содержания и смысла текста оригинала // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф: Материалы международной научной конференции. М., 2019. С. 472–477.
11. Первухина С.В. Когнитивно-семантическая связь вторичных текстов и текстов-источников // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2012. № 2. С.116-123.
12. Ионова С. В. О двух моделях построения вторичных текстов // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание, 2016. № 5. С. 69–76.

DOUBLE-DERIVATIVE NEXT AS A PRODUCT OF TRANSLATION-AND AUTHOR'S NOVATIONS

© 2025 Svetlana P. Anokhina

Togliatti State University, Togliatti, Russia

The paper describes translation reformations of the derivative text on the formal level – code change, and the semiotic-sense domain of the above text on the basis of author's reformations, such as substitution, transposition, and transformation of the components of the corresponding utterances in the source-text and derivative text (Syntax), as well as on the basis of synonymy, metonymy, metaphor, and synecdoche between them (Lexis).

Keywords: transformation types, intertextual, combined, one-level, inter-level.